

АПОЛОГЕТИКА

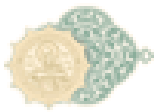
*Архимандрит Нестор (Соменок),
профессор КДА*

**Первохристианство
и Православие в свете
Священного Предания
и современности**

І. Православие — религия Богочеловеческая

У каждого православного христианина существует свой особый, объективно-личностный взгляд на тот мир и мировоззрение, которые называются Православием. Для нас, церковных православно верующих христиан, Православие — это, прежде всего, духовная жизнь в канонической Православной Церкви. Святая Православная Церковь — это Тело Христово, богочеловеческий мистический организм, психологическое, индивидуальное мироощущение, стремящееся к Абсолютной Истине или Идеалу, которое должно неминуемо прийти к Богочеловеку. В чем суть нашей метафизической уверенности? Суть этой уверенности состоит в том, что раздробленные индивидуумы, отягощенные наследством первородного греха и личностного отступничества от Бога, попавшие в вавилонско-египетский духовный плен греха, страстей и пороков, став личностью ущербной и порабощенной, тяготенут и стремятся и духовно, и физически стать свободными, по примеру и образу Иисуса Христа, — свободными и религиозно и нравственно. Где найти эти райские условия духовного существования и совершенствования? Ответ очевиден: в Церкви Христовой!

Причем каждый из нас, независимо от пола, возраста, национальности, образования и культуры, находит в Церкви и в «своем православии» те черты и ту духовную атмосферу, которые помогают человеку взрастать духовно, которые близки его уму, душе и сердцу, вне зависимости от «группы» крови, будь-то мирянин, церковнослужитель, интеллигент. В Православной Церкви, в приходе и монастыре каждый из нас находит те черты и особенности, которые близки нам онтологически, т.е. родные черты и символы. Все это мы ощущаем и этим живем потому, что во главе Церкви находится Христос, Который Троической и Евхаристической благодатью оживотворяет каждого из нас. Все вме-

сте, как Тело Христово, мы живем по законам Благодати и Истины, по законам соборного разума Вселенской Православной Церкви и Божественной Любви.

В какое время мы живем сегодня, какие философско-исторические параллели приходят на ум в первую очередь, какие истоки и перспективы есть у Православия?

II. XX век — «век перехода Модерна к Постмодерну». Скроет ли такой «туннель» кровь и трагедию миллионов?

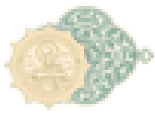
Сказать, что мы живем в сложное время, это не сказать ничего. Легкого и светлого времени, времени без горя и слез, человеческая история потомков Адама и Евы не знает. Но и такого хаоса идей и мнений, философско-этического тупика человечество до XX века, начиная со святоотеческого IV века, еще не проходило.

Богословы и философы называют XX век «веком перехода Модерна к Постмодерну, а рубеж XX и XXI вв. — временем явного утверждения Постмодерна (в лице так называемого Западного мира)»¹.

Мало констатировать разрушающую роль переворота 1917 года, ибо современные демократы в некоторых странах живут и действуют в русле программ и идей не только американских советологов (например, Збигнева Бжезинского), но и русских большевиков. Нужно, а это главное, осмыслить уроки и трагедию XX столетия с тем, чтобы понять исторический и философский смысл настоящего времени и не повторять ошибок прошлого. Более того, когда современные богословы и христиане, увлекаясь идеями «догматического развития», «аджорнаменто» и «богословием освобождения» в католицизме XX века, с одной стороны, протестантским либеральным богословием, с другой стороны, тогда, положив руку на сердце, становится тревожно на душе и страшно за будущее Православия.

В каждую умную голову, закружившуюся от временных успехов, наград и ученых званий — степеней, не положишь ведь по одному древнехристианскому апологету или восточному отцу Церкви. Можно щеголять цитатами из святоотеческого наследия, говорить умные вещи, имеющие актуальность и богословско-философское значение, например, о развитии литургического и пастырского богословия, об эстетических началах современного пастыря и в то же самое время, принимать близко к сердцу, а не к уму только, богословские аспекты творчества Альберта Швейцера, Рудольфа Бультмана, Карла Барта, впадая в экстаз от их умных слов и выражений.

¹ Осипов Ю.М. Изыски постмодерна и искания России // Христианская мысль. К., 2005. № 2. С. 130.

Здесь все предельно ясно и понятно, ибо речь идет о прикосновении к Вечной Истине и Божественной Любви людей с большим умом и чистым сердцем, когда, соприкасаясь и внедряясь в атмосферу Абсолютного, Вечного и Святого, человеческий индивидуум облагораживается, одухотворяется, становится Личностью по образу Божию и подобию Творца. Тем не менее, нас сейчас волнуют общие проблемы и задачи, как современного общества, так и Православной Церкви. Ведь проблемы постмодерна вообще и Православия на Руси в частности, возникли не в одночасье, не в 1991 г., в связи с развалом Советской империи, и не 2 марта 1917 г., в связи с отречением от престола, на станции Дно возле г. Пскова, императора Николая II (1868–1918; причислен к лику страстотерпцев в 1996/1997), когда прекратил свое государственное служение дом Романовых.

Нити безбожия и вольнодумства, революционное переустройство мира, человек без Бога и наука без религии, — эти и подобные им тезисы своими корнями уходят в глубину веков: в материализм XVII века, во Французскую революцию 1789 г., в так называемую эпоху Просвещения. Возникает резонный вопрос: «Где и почему, на каком континенте могли возникнуть такие бредовые идеи, в результате которых совершались страшные злодеяния, полились реки крови, а земля наполнилась человеческими страданиями и невинной смертью?» Ответ очевиден: «Это случилось в христианской Европе, христианской — по имени, но не по делам».

«Мир Модерна, т.е. и модернизации, обновления, расставания с прошлым — это мир эпохи тотального переустройства мира, того самого, который был дан человеку, как он когда-то сам считал, Природой и Богом, т.е. переустройства *мира данного*, соответственно, *мир созданный* — уже человеком для человека. Эпоха Модерна началась с глобальной революции, обозначенной феноменом Возрождения, которая оказалась не столько возрождением, сколько зарождением — иного, уже не данного человеку, а берущегося человеком, мира, а в итоге — *мира созданного*. Эпоха Модерна — эпоха созидания человеческого мира в борьбе с природным и Божьим мирами, не столько в соответствии с ними, сколько вопреки им. Отсюда различие, установленное европейским модернистским умом, между Древним и Средним мирами, с одной стороны, и Новым и Новейшим мирами — с другой»².

Мы окунулись в мир Постмодерна, в так называемую эпоху либерализации общественно-политических отношений и полной секуляризации сознания, культуры, семьи и школы. Что можно противопоставить этому тотальному наступлению прозападных и проамериканских ценностей?

² Осипов Ю.М. Изыски постмодерна и искания России // Христианская мысль. К., 2005. №2. С. 130.

Только лишь традиции Православия и духовные ценности восточного христианства способны и одухотворить общество, и возродить отечественную культуру византийско-русской направленности. В основу такого возрождения должны быть положены традиции православной соборности, русского благочестия, а также Киево-Печерской, Свято-Сергиевой и византийско-исихастской святости. В этом важном вопросе религиозно-нравственного возрождения Святой Руси западные ценности и американские традиции нам не союзники. Мы можем мириться с демократией, как формой государственного управления, но не как с идеологическим мировоззрением. Демократия не должна заменить нам религию и религиозные символы.

Либеральная демократия, по своему происхождению, — это англосаксонские институты и ценности. Американская демократия, по своим корням и происхождению, — это афро-американо-протестантские ценности, ценности путешествующего индивидуума, стремящегося к абсолютной свободе, даже в вопросах религии, а также ценности мечтающего крайнего эгоиста, думающего об обогащении и удовольствии всех своих желаний в этом мире материи, но не духа. Очередная, но еще не последняя, будем надеяться, попытка построить рай без Бога и Его Святой воли, воздвигнуть вавилонскую, в который раз в человеческой истории, башню, с помощью золотого тельца и чрезмерной гордыни, чтобы миром «правила» одна империя с «человекобогом» во главе.

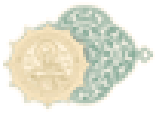
А ведь, еще совсем недавно, как будто вчера, нам казалось, что миру угрожают лишь только конфликты в горячих точках планеты, голод, экологические катастрофы, болезни-вирусы и, лишь далеко-далеко, общемировая ядерная война. Но время бежит неумолимо. Стоит остановиться и подумать о душе, о вечном и о Творце.

III. «От марксизма к идеализму»

Бог нам в помощь, а история, — в придачу и назидание нам да послужит. Не даром и не напрасно, а по зову пытливого ума и чистого сердца проф. прот. Сергей Булгаков (1871–1944 гг.), утративший веру в юности, необходимо обратить внимание — не без поущения Божия, серьезно изучавший теорию марксизма, боровшийся с самодержавием, вступивший на путь отрицания Церкви³, подобно Савлу, ставшему Первоверховным Апостолом Павлом, незадолго до революции 1905 г., встал на путь духовного возрождения и, сразу же, опубликовал сборник: «От марксизма к идеализму» (СПб., 1904), в предисловии к которому заметил, что основа идеалов общественности лежит в религии⁴.

³Зернов Н. Русское религиозное возрождение XX века. Paris, 1991. С. 148.

⁴Булгаков С.Н. Два града. СПб., 1997. С. 7. Прим. 2.

Вот только понимают эти религиозные идеалы по-разному, чаще всего, особенно, в эпоху раздвоения общественного сознания, в преддверии смут и нестроений, многие подменяют идеалы мифами, а незнание — вымыслом. Так было и в России в конце XIX в начале XX века и, чаще всего, начиная с XVIII века, революционеры, не считая анархистов и большевиков, прибегают к феномену демократии.

«Демократия, — писал один русский монархист в начале XX века, — где бы она не появлялась, представляет собой разрушающий государства психологический яд, действующий более или менее быстро, в зависимости от присутствия или отсутствия в государстве психологического противоядия — сильно развитого национального самосознания»⁵.

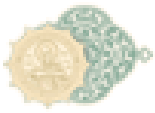
Во вступительной статье к книге выдающегося русского философа, публициста и религиозного мыслителя Льва Александровича Тихомирова (1852–1923 гг.), «Критика демократии», современный исследователь М.Б. Смолин делает следующее замечание относительно развития демократии в России в конце XX века: «Не имея такого крепкого национального самосознания, наша страна с торжеством демократии оказалась сразу же отравлена ее ядом, свободно, почти без сопротивления разрушающим и государственность, и нацию. Сформировавшиеся в XIX веке в русском обществе две антинациональные, антиобщественные группы населения — интеллигенция и пролетариат — стали носителями соответственно двух разрушительных теорий — демократии либеральной, и демократии социальной, неся в себе “начала и концы” системы разрушения империи. Если интеллигенция пестовала из всех принципов французской революции принцип политической свободы, то пролетариат к свободе потребовал еще и всеобщего равенства. Эти идеи стали так популярны, что их считалось совершенно излишним доказывать, хотя эти два принципа могут пониматься людьми по-разному»⁶.

На наших глазах происходит не только борьба государств и идеологий, но и политико-экономическая, и даже духовная борьба. Причем в войне государственной неважно, с какими мотивами: политическими, или экономическими, ясно одно, пусть и не сразу, — кто агрессор и кто жертва, то в борьбе духовной мотивы агрессии и конечные цели не всегда так ясно очерчены и задекларированы. В конечном итоге страдает человек, как в результате войны, так и в последствии духовной агрессии. Таким образом, напрашивается вывод: нужна оборона человеку, его уму, душе и сердцу.

К сожалению, в качестве духовного агрессора выступают люди, по праву или по названию, причисляющие себя к лагерю христиан,

⁵Тихомиров Л. Критика Демократии. М., 1997. С. 5.

⁶Там же. С. 5.

т.е. верующих во Христа. Многие из них называют свои общины «церковью», хотя, не так давно, их всех называли сектантами-протестантами. Благодаря экуменическому движению и западной этике, протестантские общины получили название: большие общины, по численности и религиозно-историческому значению, стали называться конфессиями, малочисленные и менее значимые, — деноминациями. Но все эти названия остались в документах и нужны только экуменическим конференциям, а сами сектанты ими пользоваться не спешат, им удобнее и важнее, особенно, в православных странах бывшего социалистического лагеря, называть себя «церковью», не являясь таковой по своему догматико-каноническому существу. И протестантами они себя называть не любят. Почему? Ответ прост. Общеизвестно, что история протестантского движения началась в 1517 году, когда Мартин Лютер (1483–1546 гг.) католический монах, немецкий богослов и профессор библеистики, прибил к церковному княжескому замку Виттенберга свои 95 тезисов, в знак протеста против продажи *индугенций* (т.е. великое отпущение грехов за деньги с благословения папы Льва X (1513–1521 гг.), предпринятой Римом для успешного завершения строительства кафедрального собора в честь апостола Петра, а также и других злоупотреблений средневекового папства. С тех пор и до сего времени продолжает свое дело религиозное движение «протестантизм», причем, доктрина Лютера была направлена против негатива в католичестве XV–XVI веков, а завершилось всё полным отделением от Католической церкви, отказом от иерархии, таинств и обрядов.

Реформаторский бунт прокатился по всей Европе и, считая Лютера виттенбергским пророком⁷, главой протестантов в Цюрихе (Швейцария) стал Ульрих Цвингли (1484–1531 гг.), во Франции — Жак Лефевр (1450–1536 гг.), в Англии и других городах появились свои общины.

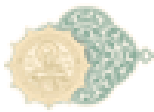
Когда на смену Лютеру пришла более *агрессивная форма*⁸ «реформации» в виде доктрины Жана Кальвина (1509–1564 гг.), французского юриста и знатока древних языков, тогда и был заложен фундамент «протестантской теократии»⁹ в Женеве.

Самое печальное в идеологии протестантизма XVIII века связано с мифологической теорией происхождения христианства и последствия ее, когда, согласно этим выводам, Господь наш Иисус Христос — не реальное Лицо, а мифическое. Вот до каких глубин религиозно-рационалистического тупика и философско-эстетического мрака могут довести человечество и человека крайности протестантского либерализма

⁷ Бедуэлл Г. История Церкви. М., 1996. С. 125.

⁸ Мережковский Д. С. Реформаторы. Брюссель, 1990. С. 2.

⁹ Бедуэлл Г. Цит. соч. С. 127.

как в новозаветной экзегезе, так и в историософии христианского богословия.

Выражаясь терминологией эпохи Вселенских соборов, можно сказать, что «модернизированное арианство сменилось антихристианской формой монофизитства»¹⁰.

IV. Первохристианство под благодатью Христа

Первый или ранний период в истории Древней Церкви принято называть первохристианством или первохристианским периодом, а общину первого христианского поколения называют первообщиной христиан, причем, началом первохристианства является великий день Святой Пятидесятницы, а завершение этого первого периода определяя по-разному, вплоть до середины II века, когда «окончательно сформировался монархический епископат»¹¹.

Наш знаменитый и выдающийся церковный историк Василий Васильевич Болотов (1854–1900 гг.) относительно разделения церковной истории на периоды, замечает следующее: «Апостольский период я не считаю относящимся к церковной истории. О нём можно говорить или очень много, чтобы осветить надлежаще каждую сторону и каждый вопрос в этом периоде христианской истории, или же очень мало. В первом случае будет нарушена равномерность и пропорциональность в изложении истории: во втором — получится вообще неудовлетворительное и неясное изложение важнейших событий нашей истории. При этом надо признаться, что Св. Писание иногда весьма мало освещает историческую обстановку: для того, например, чтобы узнать положение таких мелких единиц, как колосяне, нет в Св. Писании достаточных данных; довольствоваться же одними общими выводами значило бы дать слишком сжатое и бесцветное изложение»¹².

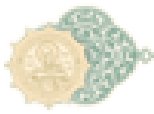
Однако в настоящее время у нас нет веских оснований объективного характера, согласно которым исключалось бы все, относящееся ко временам свв. Апостолов. Более того, исторически целесообразно и богословско-логически оправданно считать первохристианство и первообщину христиан неким прологом в историческом слове об *екклесии* и введением в Историю Древней Церкви. Истоки религиозной истории и богословия отцов Древней Церкви не могут брать своего начала вне зоны влияния Божественного Откровения, так сказать, на периферии христианского мирозозерцания.

Святая Христова Церковь, как Богочеловеческое Тело Иисуса Христа и как Царствие Божье, Царствие Св. Троицы на земле, не может быть

¹⁰ Мень А., прот. Библиологический словарь. М., 2002. Т. 2. С. 214.

¹¹ Там же. С. 401.

¹² Болотов В.В., проф. Лекции по Истории Древней Церкви. СПб., 1907. Т. 1. С. 227–228.

духовно-мистически понятной вне Св. Евангелия и не может быть сердечно-логически и философско-исторически усвоена вне Св. Предания.

Овзаимно дополняющей связи Церкви и Евангелия, Церкви, как Царствия Божия на земле, очень ёмко, объёмно и выпукло сказано талантливым историком Церкви свящ. С.П. Мансуровым (1890–1929 гг.): «Царствие Божье есть, прежде всего, Царство благодати в мире и душе верных — мир с Богом, единение с Богом, проникновение твари Богом. Конечное завершение этого Царствия выражено словами: “И будет Бог всяческая во всех”, а это достигнуто будет в полной мере уже после общего Суда и Воскресения»¹³.

Толкователями духа и смысла проповеди Евангелия, духовными указателями пути в Царствие Божье, церковными компасами в море житейском являются святые мученики, отцы Церкви, подвижники веры и благочестия. «Каждый из святых отцов, смотря по нужде и в меру полученного им дара, или указывал путь в Царствие Божье (как свт. Климент Римский или свт. Иоанн Златоуст), или раскрывал самые свойства этого Царствия (как Ерм или прп. Макарий Египетский), или научал бороться с врагами его (как св. Антоний Великий или прп. Иоанн Лествичник). Иные ограждали сынов Царствия от ложных учений и путей, отводящих от Бога, в меру, доступную человеку (св. Игнатий Богоносец или прп. Афанасий Великий), давали отблеск этого Царства в мыслях и символах — в иконах, молитвах, песнопениях (прп. Иоанн Дамаскин или прп. Феодор Студит). Строительство Царствия Божия открыто было святому Ерму (II век) в виде построения единой и цельной башни, камнями в которую входят запечатленные Христом (книга “Пастырь”). Но башня уже основана и существует — нужно только быть достойными или хотя бы не вполне негодными, чтобы быть принятыми в ее состав, пока постройка не кончится»¹⁴. Души святых образуют ту истинную духовную и небесную Церковь, в которую не может войти ничто скверное, греховное, еретическое и расколыническое. Земные страсти, желания и амбиции (карьеризма, лидерства и т.д.) не войдут в Царствие Божье, в Царство Духа, Любви и благодати. Всё земное и низменное, весь исторический и человеческий негатив останется вне

¹³Мансуров С., свящ. Очерки из истории Церкви. М., 1994. С. 25.

¹⁴«Это домостроительство проходит златою цепью через все века. Христос Спаситель собирает в Свое Царствие избранных и достойных того из рода в род. Но Он, не только собирает избранных Своих в Свое будущее Царство Славы после их смерти или кончины мира — но сейчас собирает в Царство, ныне уже существующее, в которое можно и нужно войти еще здесь, на земле. Лишь духовная незрелость, греховность, неполнота веры и любви препятствуют многим людям видеть сейчас Царствие Божие на земле и входить в него. “Ибо пришла полнота времен усыновления, — говорит святой Ириней Лионский, — и приблизилось Царство Небесное, и живет в людях верующих”». Мансуров С. Цит. соч. С. 29–30.

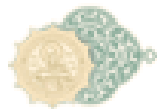

границ Царствия Божия. «Эти святые души (истинные, живые члены Церкви), соединяемые и возглавляемые Христом, образуют Его Тело, Его Царство — Церковь благодатную»¹⁵. Но за этими богословски точными и литературно выверенными тезисами и формулировками стоит не только Благая и радостная Весть о пришествии в мир Христа, Спасителя всего человечества, но и трагическая история многих людей, целых поколений и обществ, не принявших в свою душу Благую Весть Сына Человеческого. Это о них скорбел и плакал ап. Павел и другие аскеты-пустынники. Духовно бедные и нечистые сердцем, огражденные умом и лишённые благодати Духа Святого, но с чувством собственного, антично-языческого и философско-гностического достоинства, далекого до евангельской простоты и христианского смирения, предстают перед нашим мысленным взором не только еретики и раскольники I–III веков, но и их собратья в Византии и Литовско-Московской Руси, в эпоху европейского средневековья и так, вплоть до нашего времени, включая и близкий нам по времени, иногда, и по духу близкий, противоречивый и кровавый XX век.

Именно в XX веке, в тоталитарном Советском Союзе идеологи марксизма и атеизма в своей борьбе с религией вообще, с Церковью и с Христом в частности, использовали тот научный и мировоззренческий потенциал, который был выработан до этого, в том числе и в христианской Европе. Однако, там он был поспешно забыт, учитывая отрицательный результат исторического эксперимента, проведенного на судьбах России и «человеческом материале». Все это было совершено во имя так называемого «славного» будущего, вкупе с христианскими лозунгами свободы, равенства и братства. Сейчас же в моде другие лозунги и другое прикрытие, не оставляют в покое Святейшее Имя: Бог и Господь!

В то время, когда в России бушевали революционные страсти, стачки, митинги, забастовки, когда создавались лозунги, в том числе и про «бу-

¹⁵ «Таким образом, Царствие Божие пришло не в отдельных только разрозненных душах, но тот, у кого откроются благодатью Божьей глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать, ощутит в гуще исторических фактов, лиц и учреждений церковных Единую Церковь; узрит, что “и в настоящее время (как говорит блаженный Августин) Церковь есть Царствие Христово и Царствие Небесное”. Только не все члены земной Церкви образуют это Царствие Христово, даже не все видят его, а не только участвуют в нем, ибо в ней плевелы перемешаны с пшеницею. Плевелы — люди, которые ищут земного, ищут своего, а не Иисус Христов. Они, по словам блаженного Августина, не составляют в Церкви Царства Христова и не царствуют с Ним. Они даже часто не видят и не знают Царствия Божия, и лукавый похищает у них из сердца самую мысль о Царствии Божием. “Всегодашнее царствование Христа, — говорит святой Иоанн Кассиан Римлянин, — наступает тогда (делается тогда в полной мере достоянием христианства), когда по истреблении из сердец наших смрадных пороков власть диавола прекращается, и Бог, по причине благоухания добродетелей, начинает в нас владычествовать”. Тогда основывается в нас Царствие Божие». Мансуров С. Цит. соч. С. 31.

ревестник» и про «человека, который звучит гордо», а также про старый мир, который кому-то захотелось разрушить до основания, забыв о словах Иисуса про здание (дом, по-старославянски «храмина»), построенное на песке (Мф. 7:26), в это самое время трудился, размышлял над вопросами религиозного, философского и этического характера, уже упоминаемый нами выше С.Н. Булгаков.

Продолжение следует